

Анастасия проснулась раньше будильника. Целых пятнадцать минут свободы! Уняв нажатием пальца трепыхающийся будильник, еще немного полежала в постели. Вставать не хотелось из-за холода. Несмотря на последний месяц весны, в квартире было, как в ледяной избушке. Батареи отключили несколько дней назад, как раз когда зацвела черемуха. А черемуха, как известно, цветет к холодам.

Поцелуем в нос Настя разбудила мужа.

– Как, уже пора? – пролепетал он.

– Еще как пора, – отозвалась Настя. – Ты первый в ванную!

Иван не заставил себя долго уговаривать. Прильнув на секунду к жене, он соскочил с кровати и отправился принимать душ.

«Лежи не лежи, а вставать все равно придется», – с этой мыслью Анастасия храбро шагнула в темноту промозглой комнаты.

Сегодня Тихоновы нарушили привычный ход утра. Они готовились к причастию, поэтому завтрак отменялся. Настроение у обоих было приподнятое. И потому, что предстояло идти в храм, и потому, что подтверждалось то, чего пришлось Тихоновым ждать долгих шесть лет. Настя беременна! Несколько дней назад она встала на учет в женскую консультацию, а на сегодня ей назначено УЗИ. Ей попался на редкость душевный доктор – Светлана Васильевна Филимонова, развеявшая все ее страхи и опасения:

– А то, что шесть лет у вас не было детей, не переживай. Значит, до вас еще очередь тогда не дошла. У Бога все под контролем. Вы вот сокрушаетесь, а вдруг бы больной ребенок появился, и вам мука, и ему страдания. Бог всегда нас от беды отводит. А мы печалимся и сокрушаемся вместо того, чтобы радоваться.

– Мы радуемся, радуемся! – улыбнулась Анастасия, удивляясь, что врача говорит, как священник.

– Возраст подходящий у вас, тебе двадцать восемь, мужу тридцать. И мудрые уже, а еще не старые.

Пациентка Тихонова, соглашаясь, кивала.

– Спасибо вам, Светлана Васильевна.

– Бога благодарите, меня пока не за что. – И врач Филимонова принялась делать записи в карту Анастасии.

Первым делом после женской консультации Настя отправилась в храм. И не только потому, что докторша велела благодарить Всевышнего. Настя верила в Бога, они часто с мужем ходили в церковь. И вообще, зная супругов Тихоновых, можно было бы со всей ответственностью заявить, что они являли собой пример добропорядочных христиан. Часто Тихоновы советовались со своим батюшкой-духовником, отцом Михаилом, исповедовались ему, делились радостью и печалью. Вот только в последнее время он слёг в больницу и, похоже, надолго. На другой день после консультации у Светланы Васильевны Настя с Иваном отправились к нему туда и исповедовались прямо в больничной палате, а перед УЗИ он благословил их причаститься в любом храме. Вот почему в назначенный день они встали пораньше.

Тихоновы жили за городом, от дома до станции идти пешком три километра. Ну и пускай машина в ремонте! «Нужно больше ходить», – так сказала врач.

– Может, все же тормознем кого-нибудь? – Иван видел, что жена идет с трудом. У нее в последнее время сильно болела спина. Он стал ловить машину, но редкие легковушки неумолимо пролетали мимо них, а вскоре совсем куда-то как провалились.

– Лучше прогуляемся, – сквозь боль произнесла Настя.

– Однако холодно!

– Да тут идти-то осталось совсем немного. Давай пешочком.

– Сейчас на службу ходим, исповедуемся, причастимся, а потом ты на УЗИ. – Иван радостно посмотрел на жену.

Настя выглядела отстраненной.

– Болит? – участливо спросил муж.

– Невозможно, – еле выговорила Настя.

– Давай вернемся, – предложил Тихонов, но в ответ Анастасия покачала головой. Муж позвонил по мобильнику в службу такси. Там ответили, что машина может приехать только минут через сорок, и Настя отказалась ждать:

– Пойдём, Ванечка, мне уже полегче.

Но боль с каждым шагом только усиливалась, захлестывала не только в спине, но и отдавала в ногу. И до беременности у Насти периодически возникали такие боли. Защемление седалищного нерва. Тихоновы шли медленно, с остановками. Настя то и дело постукивала себя чуть выше копчика, наклоняясь вперед и в стороны. Наконец она не выдержала и расплакалась.

– Так больно, что даже потряхивает, – сквозь слезы жаловалась она мужу.

– Все, разворачиваемся! – приказал Тихонов. – Надо было как только отошли от дома, идти обратно.

Они присели на лавочку, Настя наклонилась вперед.

– Еще, как назло, холод собачий, чтобы сидеть тут. Когда не надо, эти машины не унять, стаями тут роятся. Когда надо – ни одной не

сыскать, – Иван был раздражен, поскольку не знал, как помочь жене. – Давай, Настюша, домой потихоньку двинем.

– Обидно... Прошли ровно половину.

– Что поделать. – Иван встал с лавки.

Настя все еще сидела, наклонившись вперед.

– На УЗИ так и так придется сегодня идти. У них там все расписано надолго вперед. Это Филимонова постаралась, чтобы мне сегодня назначили. Да и на прием к ней надо завтра с результатами обследования.

– Сейчас вернемся домой, я на работу, а ты днем такси вызовешь и съездишь на УЗИ.

– А на причастие?

Иван развел руками, затем сел на скамью, притянул к себе жену.

– Не проходит?

– Нет.

Помолчали.

– Это лукавый с нами так поступает, – с уверенностью сказал Тихонов.

Настя с жалобной улыбкой посмотрела на мужа.

– Точно! – Иван снова встал. – Это он нам такую боль насылает.

– Но вчера у меня тоже болело. И позавчера, – возразила Настя. – Если бы только сейчас разболелось, то можно было бы про лукавого вспомнить. Нет, Ваня, он здесь ни при чем. Нечего зазря все валить на черта, – улыбнулась она.

– Это он, – заявил муж тоном, не терпящим возражений, – он не хочет, чтобы мы шли на причастие. Что тут непонятного?

– Я тоже загадала, – вздохнула Настя, – если сегодня сходим в церковь, причастимся, то и УЗИ пройдет нормально, да и беременность тоже...

– Тогда встаем и идем, – Иван взял холодную руку жены. – Перчатки почему не надела?

– В мае? Скажешь тоже, – фыркнула Настя и встала со скамьи.

Оставшуюся часть пути они прошли чуть бодрее, возможно потому, что она немного посидела на лавочке, спина чуть отдохнула, а может, еще почему.

Их целью был новый храм, построенный недавно на соседней станции, очень необычный, с разноцветными и яркими куполами, выполненными из фарфора. Когда проезжали мимо, всякий раз любовались на эти фарфоровые купола.

С расписанием электричек творилась чехарда, особенно после недавнего столкновения на этой линии двух поездов – товарняка и пассажирского. Расписание электричек сдвинули, и Тихоновым пришлось ждать очередную аж тридцать минут.

– Что-то и впрямь никуда нас не хотят сегодня пускать, – засмеялась Настя.

Через утренние тернии Тихоновы, наконец, подходили к собору.

– Красота! – Настя остановилась, в который раз потрясенная величественным зрелищем.

В лучах утреннего солнца ярко горели могучие золотые кресты над разноцветными фарфоровыми куполами. Тихоновы нечасто бывали в этом дивном храме, обычно ездили в Москву, в храм отца Михаила, но несколько раз нарочно приезжали сюда. Новый просторный храм задавал тон, настраивал на светлое и радостное. Здесь легче дышалось, и необычная сказочная архитектура завораживала.

Шла служба. Народу совсем мало. «Храм на три тысячи человек, а сейчас здесь не больше двадцати», – подумала Настя, но отринув посторонние мысли, тут же погрузилась в молитву.

Возле места, где обычно проходила исповедь, стояли несколько женщин. В руках одной из них зажат листок бумаги. Хотя Настя совсем недавно исповедовалась отцу Михаилу, но сейчас снова попыталась вспомнить о своих грехах. На ум ничего не приходило. «Что же ты, безгрешная?» – укорила она себя. Пусть ничего такого не совершила, вспомянай по мелочам. Обидеть, вроде бы, никого не обидела, плохо не желала. Наоборот, у нее два месяца, с того самого момента, как стала подозревать, что беременна, такая любовь ко всему человечеству проснулась, что готова прийти помочь каждому, обогреть и приласкать. Но батюшке обязательно нужно что-то сказать. Вспомянай! Настя еще больше напрягла память. Лень! Особенно в последнее время. Хочется спать и ничего не делать. И хоть Филимонова сказала, что это свойственно беременным, все же Настя отнесет это к греху. Уныние! Иногда становится страшно и беспокойно за будущее. Светлана Васильевна вчера ее успокоила, заверив, что все будет хорошо, но, как ни крути, уныние – это сомнение и даже неверие... И Настя, успокоившись, что и у нее есть грехи, о которых она поведаст батюшке, влилась в общую молитву.

Время от времени Тихоновы переглядывались, радуясь друг другу. Как хорошо, думал каждый из них, как хорошо. Мы любим друг друга, у нас будет ребенок. Слава тебе, Боже, благодарим за все!

– Как спина? – шепнул Иван. – Посиди, – он кивнул на лавочки возле стены.

Настя махнула рукой, дескать, терпимо.

Приближалось таинство причастия, а исповеди как нет, так и нет. Одна из девушек куда-то пошла узнавать. Вернувшись, разочарованно сообщила, что исповеди не будет.

– Почему? – удивилась Настя.

– Потому что сказали, что никого не было на исповедь, когда батюшка выглядывал.

– Значит, пойдем без исповеди на причастие, – твердо сказал Иван, – тем более, отцу Михаилу четыре дня назад исповедовались.

– А...

– А причастие – это главное, для чего мы здесь. Мы к нему готовились. Постились, читали молитвы. И у нас сегодня такой важный день!

На амвон вышел батюшка с чашей для святого причастия. Большой такой священник, лет тридцати, с рыжими волосами, могучим лбом, меднолицый. Суровый. И такой безрадостный, будто не причащать собрался, а совершать какую-то тяжкую повинность. Его помощники стояли по бокам. Скрестив руки, перед священником выстроилось пять человек, их замыкали Тихоновы.

– Иван, – сказал Иван, подойдя к чаше.

– Исповедовались?

– Да.

Причастившись, муж отправился за теплотой. Настя последняя из всех шагнула к батюшке. Но вдруг... батюшка сердито развернулся и медленно удалился в алтарь. Даже как будто с некой обидой. Помощники за ним. Настя со скрещенными на груди руками растерялась и заморгала, чтобы не расплакаться.

– А тебе что, не положено, что ли? – спросила старушечка, стоявшая почти рядом с Настей, а та не могла ничегошеньки ответить – мешал ком, подкативший к горлу. Да и ответить-то что?

– Тебя не причастили?! – Иван во все глаза смотрел на жену.

А она, еле сдерживаясь, чтобы не разреветься, устремила к выходу. Значит, все будет плохо! Значит, УЗИ покажет какую-нибудь патологию, вертелось у нее в голове. Значит... Еще ей вспомнилась Елизавета Федоровна, алапаевская мученица. Настя понимает, каково ей было, когда она не могла причащаться вместе с мужем! Но там совсем другая история. Великая княгиня Елизавета поначалу была лютеранкой, поэтому и не могла причащаться вместе с Сергеем Александровичем, пока не приняла православие.

Настя встала неподалеку от входа в храм. Тут уж слезы вырвались наружу. Ей было очень обидно. Все утро пролетело перед глазами. Не хотелось вставать в холод. Три километра пешком с дикой болью в спине. Долгое ожидание электрички. И главное, почему ей отказано в причащении?

Тот же вопрос задал Иван священнику. Он, прежде чем выскочить за женой, первым подошел к батюшке поцеловать крест.

– Почему? – удивился священник. – Я ее не знаю.

– То есть?

– Я ее не помню. Вчера у меня на исповеди ее не было.

– Ее не было вчера у вас на исповеди. И меня тоже. Вчера она не могла. Но мы готовились. Мы исповедовались у нашего духовника.

– Вот к нему и идите причащаться. А если ко мне, то надо накануне мне исповедоваться.

– Но он в больнице.

– Не надо создавать хаос! Вашей жены у меня на исповеди вчера не было. Что тут непонятного? С миром изыдите. – И батюшка протянул высокий крест следующему.

«Вчера не было...» Иван аж задохнулся от возмущения. И это после причащения! Не было потому, что не могла. Не было потому, что думали с утра исповедоваться. Не было потому, что мы к вам не собирались, а получилось, что пришли. Не знаете ее, потому что нам редко удастся к вам выбираться, далеко мы от вас живем, за десять километров.

– Поздравляю тебя с причащением. – Заплаканная Настя поцеловала мужа. – Почему меня не причастили? – Она заглянула ему в глаза. – Может, он как-то понял, что я беременная, а беременным нельзя?

Расстроенный Иван покачал головой.

– Сказал, что тебя не помнит, не знает. Конечно, такую красавицу он бы запомнил! На исповеди, говорит, тебя вчера не было. Так и меня не было. Как видишь, моя внешность не достаточно ярка, чтобы меня помнить или нет, – усмехнулся Иван.

– То есть надо было вчера приезжать сюда к нему исповедоваться?

– Ну да, получается, так. Но так не должно быть. Помнишь же, мы недавно читали...

– Ну да, что исповедь перед причащением желательна, но это не догмат и не канон.

– В греческой церкви вообще не всякий раз исповедуются перед причащением.

– Но у нас заведено иначе. – Анастасия вроде бы уже и защищала меднолобого батюшку.

– И все же то, что он нас не знает, не дает ему права отказать нам в причастии! Почему он заведомо думает о нас, что мы плохие? А еще помнишь, мы читали речи покойного Алексия Второго про младостарчество.

– Ну да, что некоторые, особенно молодые священники взяли моду придумывать разные свои нововведения.

Настя оглянулась на храм. Фарфоровые купола в солнечных переливах уже не так радовали глаз.

– Такой светлый храм, и на тебе...

В Москве, проводив Настю до поликлиники, муж отправился на работу. Настю ничего уже не радовало, ни долгожданная беременность, ни предстоящее УЗИ. Наоборот, возрастало беспокойство. Словно она осталась без важной поддержки. Дурной это знак – не причастилась, сейчас обязательно случится что-то плохое. И зачем только загадывала...

Однако вопреки ожиданиям пациентки Тихоновой никакой патологии на двенадцатой неделе беременности не выявили. УЗИ дало прекрасные результаты.

Весь положенный срок Настя отходила хорошо и благополучно разрешилась крепким мальчуганом, его в честь свекра назвали Борисом.

Прошло два года. За это время похоронили отца Михаила. Настя и Иван теперь немного реже ходили в церковь, чем до родов сына. В том праздничном фарфоровом храме и вовсе не были с того самого Настиного неприячия.

Но в один из субботних вечеров жена предложила мужу съездить на соседнюю станцию.

– Зачем? – удивился Иван.

– По парку погуляем.

Пока Настя одевала сына, муж прогрел машину. Новую, недавно купленную. Поехали.

Храм был виден издалека.

– Все равно красавец! – сказала Настя, залюбовавшись куполами, хотя теперь они виделись ей пусть и прекрасными, но холодными из-за своей фарфоровости. – Однако мы туда не пойдём.

Но, погуляв по парку, в котором весело и деловито скакали белки и сойки, она переменила решение.

– Хочешь, ты сходи, а я с ребенком погуляю, – пожал плечами Иван. – С этими подработками вообще сына не вижу.

В храме шла служба. Настя на цыпочках прошла в конец собора. Там небольшая очередь выстроилась к батюшке на исповедь. Тихонова взглянула на священника. Он! Внезапно спину пронзила уже подзабытая за два года боль. Ей захотелось выйти из храма, но она пересилила себя и встала в очередь на исповедь.

Настя смотрела на батюшку, на его большой лоб, на суровое лицо, пытаясь унять в себе раздражение. Зачем я здесь? Зачем? Надо поставить свечи и идти к мужу с сыном, но что-то не давало ей выйти из очереди.

Наконец священник кивнул ей. Анастасия подошла и назвала имя. Батюшка внимательно смотрел на прихожанку, ожидая исповеди. Но Настя молчала, не зная, с чего начать.

– В чем вы хотите покаяться?

– В том, что я два года злюсь на вас.

– На меня? – батюшка сделал мелкий шагок назад.

– На вас, – с вызовом подтвердила Анастасия. – На вас.

– Давайте разбираться, – устало сказал батюшка. – Чем я вас неволь-но обидел? Я вас не знаю.

– И я вас. Скажите, а как вас зовут, чтобы я могла к вам обращаться.

– Отец Борис.

«Борис? Вот так да!» – обрадовалась Анастасия.

– А мы сына так назвали! В честь отца мужа.

– Поздравляю. Крестили?

– Разумеется.

– Причащаете?

– А пустите? Ведь вы же его не знаете!

Отец Борис пронзительно глянул на Анастасию. Она набралась сме-лости и рассказала ему историю, случившуюся в позапрошлом мае. Лицо священника покрылось мелкими восковыми капельками пота. Выслушав, отец Борис повернулся к иконостасу и долго крестился. По-том повернулся к Насте, помолчал и, словно переступив какой-то труд-ный порог, заговорил:

– В тот день после службы у меня невыносимо разболелась голова. Ни таблетки, ни массаж не помогали. Потом начались сильные боли в спине. Я еле добрался до дома и сразу же рухнул в постель. Уснул мгно-венно. А проснулся в поту и страхе. Мне приснился Спаситель.

– Христос?

– Да. Он стоял у меня за спиной, я не мог к нему повернуться, но понимал, что за спиной у меня именно Он. И Он стал бить меня плетью по спине и ниже. Я упал на колени. Прошу прощения у него, а сам не знаю за что. «Не знаешь? – слышу за спиной Его голос. – А по какому праву ты моей плотью и кровью распоряжаешься как своей?» И луп-цует меня. На этом я и проснулся. Знаете ли, заревел тогда. Страшно, когда Бога гневишь. И главное, никак не могу понять, чем. Еле встал с постели. Спина болит. Я к молитвам. Потом к своему духовнику по-ехал. Рассказал ему все. Он выслушал меня и говорит: «Вспоминай по минутам действия и помыслы на литургии». И меня тут осенило! «Да ведь я женщину одну не причастил!» «Почему? – спрашивает духов-ник. «На исповеди ее не было. Не знаю я эту женщину». Мой духовный отец сначала мне ничего не сказал, а потом и говорит: «Вот взять дрын, да и дрыном тебя как следует. Да и так уже тебе и без меня досталось. Порой, – говорит, – слишком много мы на себя берем. А мы-то кто, если разобраться? Посредники».

Отец Борис замолчал.

– Я прошу простить меня, – сказал он, глядя в глаза Анастасии.

Насте стало неловко. Она два года злилась на отца Бориса... А он куда страшнее ее страдал!

– И вы меня, – пролепетала она.

– А Бориса вашего приносите ко мне на причастие, прошу вас! И сами с мужем причаститесь у меня, пожалуйста!

– Слушаюсь! – Настя поднесла ладонь к виску, как бы отдавая честь тому, которого еще недавно так ненавидела.

Священник одобрительно усмехнулся. Надо же, какой теплый у него может быть взгляд!

Возле храма поджидал Иван с сыном.

– А этого батюшку тоже Борисом зовут. – Настя подняла голову и посмотрела на купола. Их фарфоровая величавость и торжественность вновь наполняли душу ликованием и радостью.